

СОННЫЕ ТОПИ

Сквозь топь и туман

Через пламя и ночь

Анастасия Андрианова

ЧЕРЕЗ
ПЛАМЯ
И НОЧЬ

ЧЕРНЫМ
БЕЛО

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А65

Иллюстрация на обложке *animortis*

Разработка серийного оформления *Кати Петровой*

Дизайн переплёта *Александра Андреева*

Иллюстративные схемы на оборотах форзаца
и нахзаца *Анастасии Андриановой*

Андрианова, Анастасия Александровна.
А65 Через пламя и ночь / Анастасия Андрианова. —
Москва : Эксмо, 2024. — 480 с.

ISBN 978-5-04-199703-8

Упыри теперь охотятся не только по ночам, и путь становится всё опаснее. Мавна, Варде и Смородник учатся быть заодно, чтобы добиться каждый своих целей и выяснить, действительно ли брат Мавны обращён в козла.

Илар и Купава скитаются по Уделам, спасаясь от врагов. Вокруг нарастает противостояние между чародеями, упырями и людьми, но правды нет ни на одной стороне.

Скоро вспыхнет чародейский огонь, и станет ясно, кого поглотит пламя, а кого — туманная топь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199703-8

© Андрианова А.А., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

*Всем, чей путь однажды лежал через мрачные топи.
Пусть искра надежды в вас никогда не гаснет*

ГЛАВА 1

Корчма у грани ночи

Агне приоткрыла дверь своей комнаты, прислушалась и сморщила нос. Где-то поблизости явно был чародей. Они всегда воняли чем-то горячим и липким, душным, и хотелось распахнуть все окна в корчме, впустить свежий воздух с болот.

Наказать бы этого наглеца как следует, прокрасться в съёмные покои и впиться спящему в горло, выпить, морщась и отплёвываясь, жаркую чародейскую кровь и отомстить за погубленных братьев и сестёр. Но нельзя. Тогда о корчме будут говорить разное, а Агне меньше всего хотела, чтобы из-за неё у отца начались неприятности.

Она и всегда была осторожна, насколько могла. Ещё ни разу в «Под месяцем» не случилось ничего дурного, и даже с другими упырями удалось договориться, чтоб не бродили вокруг корчмы и не трогали

путников на этой дороге. Нечего и о чародея руки марать. Не сейчас.

Гораздо больше Агне привлёк другой запах. Едва почуяв чародейский дух, она прикинулась больной и сказала отцу, что не сможет помогать в зале. Отец никогда не спрашивал лишнего, поэтому согласился, но Агне всё равно было немного стыдно.

Второй запах был куда приятнее и свежее, напоминал мох, болотный ил и речную заводь. Запах нежака. Чародей привёл с собой упыря? Звучало как что-то невиданное. И Агне решила разобраться во всём, пока вместе с этой компанией в корчму не пришла беда. Кто знает, может, чародей хочет, чтобы упырь убил кого-то прямо здесь? Эти огнепоклонники же все бешеные, кто их разберёт.

Агне могла бы выскользнуть через окно — тело упырицы позволяло двигаться ловко и бесшумно, так, как человеческая девушка не смогла бы. Но ночь стояла светлая, тонкий месяц ярко сиял в серо-синем небе — и у отца точно прибавилось бы головной боли, если бы случайный путник увидел, как его дочь по-паучьи выбирается из окна верхних комнат.

Пришлось бесшумно спуститься по лестнице и, полагаясь на чуткий нюх, двинуться на скотный двор.

Упыря спрятали в дальнем стойле. Агне сначала шла на запах, а потом, увидев нежака, замерла, глядясь в полумрак.

— Что с тобой сделали? — тихо спросила она.

Нежак повернул голову — слишком по-звериному вытянутую для человеческой, но непохожую на упыриную. Что-то между двумя обликами, странное чудовище. По хребту Агне пробежал холодок.

— Сам попался, — прохрипел он. — Шкурку сожгли.

Агне обхватила плечи руками. Ну и жуть... Против воли она представила, что было бы с ней, если бы кто-то сжёг её шкурку, и неосознанно потянулась к поясу, где под нижним платьем, в маленьком мешочке, прижатом к голому телу, пряталась лягушачья шкурка.

— Чародей? Тот, который остался в корчме?

Упырь кивнул.

Агне прислушалась к своей болотницкой сущности. Когда-то они все хорошо знали друг друга: вышли из одной топи, вместе начали растить себе тела. Но потом дух болотника подселился в человеческое тело и ушёл в тень, стал не главным, а лишь тонким голоском на задворках сознания. Агне знала, что не у всех так: у кого-то болотницкая душа руководила телом и не давала человеческим воспоминаниям взять верх; у других, наоборот, человеческий разум вытеснял воспоминания о жизни во владениях болотного царя.

У Агне же воспоминания о человеческой жизни почти полностью затмевали воспоминания нежити, и ей потребовалось напрячься до головной боли, чтобы узнать этого упыря.

— Варде? — спросила она с сомнением. — Кажется, ты, как и я, держишься за то человеческое, что досталось тебе вместе с телом.

Варде снова кивнул.

— Да. А ты...

— Агне. Дочка корчмаря.

— Ты нежичка, а не дочка корчмаря.

Агне раздражённо шикнула. Ещё чего, какой-то полудохлый упырь без кожи будет насмехаться над ней! Нежицкой сущности в ней — капля, сухая шкурка

и жажда людской крови. Всё остальное — своё, родное, и она ни на что не променяет свою жизнь.

— Замолчи. Я дочка корчмаря, уяснил? Ну а ты что будешь делать? Так и просидишь на привязи у чародея?

— Принеси крови, — попросил Варде. Губы у него были сухие и слипшиеся. Агне даже стало его жаль.

— Ещё чего, — фыркнула она. — Чтобы он обнаружил тебя утром полным сил и понял, что тебе кто-то помог?

— Мне уже помогли, — отмахнулся Варде, — девчонка, что с ним. На пироги кровью капала. А чародей видел её у меня. Подумает, что она дала мне больше, чем на самом деле.

Агне с сомнением повела носом. У неё в комнате хранилось кое-что про запас, но стоит ли тратить своё на этого упыря?

— Вокруг твоей корчмы начали охотиться упыри, несмотря на ваш уговор. Я прав? — хрипло спросил Варде.

Агне услышанное не понравилось.

— Прав, — с неохотой буркнула она.

Агне давно заметила, что стаи стали подбираться всё ближе и ближе. Кружили сначала по полям, потом подошли к самой дороге. Иногда всё было тихо, но в иную ночь выли так, будто окружили саму корчму. Становилось жутко

Возвращаясь из владений болотного царя, Агне просила одного: чтобы её отцу дали спокойно вести дела и жить той жизнью, к которой он привык. Не убивать путников, несущих деньги в корчму. И выходящих из неё — тоже. Хотя бы некоторое время. Что

случится с ними дальше в дороге, Агне не волновало. Но вокруг корчмы должно быть спокойно.

Она по крупицам собирала свою жизнь, слепляла и сращивала из разных кусков. Нельзя, чтобы всё вновь расплозлось по швам.

— Ладно. — Агне отряхнула руки и отступила от стойла. — Покровители с тобой. Сейчас принесу.

— Покровители, — тихо рассмеялся Варде. — Нам никто уже не покровительствует. Хватит цепляться за прошлое.

Агне зажала бы уши, лишь бы не слышать его хриплый голос и эти жестокие слова, но тогда Варде понял бы, что задел её, а показывать слабость было нельзя. Агне резко развернулась и, взметнув косами, пошла прочь.

В своих закромах Агне отыскивала колбасу, припасённую на крайний случай, — с кровью одного разбойника с дороги. Она гналась за ним несколько часов, прежде чем поймала и покарала за то, что отдал отцу лишь половину платы за постой.

Вернувшись и сунув кусок колбасы в руку Варде, она опёрлась локтями о дверку стойла. Человеческим зрением в полумраке она ничего бы не разглядела, но зрение упырицы ночью было не менее острым, чем днём, и Агне отметила про себя, что Варде порядком досталось.

— Как у тебя шкурку-то отняли? — с любопытством спросила она. Нечасто удаётся поговорить с упырями. Как бы Агне ни старалась прикидываться человеком, всё равно половина сущности в ней теперь неживицкая, и сердца бьются два. Если перед сном затаить дыхание, можно услышать, как первое, человеческое, делает «тух», а другое вторит ему потише: «ту-тух».

Варде с урчанием вгрызся в колбасу и, почти не прожевав, жадно проглотил.

— Сам отдал, — ответил он.

— Зачем это? — фыркнула Агне.

Варде повёл худым плечом, откусывая ещё кусок.

— Проверить себя захотел. Человек я или нет. Сама знаешь, как с двумя сердцами нелегко.

— Не думаю, что это была хорошая мысль. С таким же успехом раскроил бы себе грудь и вынул одно из сердец. Шкурка — наше первичное естество. Ты не мог этого не знать.

Варде неопределённо хмыкнул. Агне продолжала его разглядывать: странного, уставшего, непонятно зачем натворившего глупостей и прибившегося к чародею.

— Ты сейчас можешь сбежать. Хочешь, развяжу? Никто и не узнает.

Агне облокотилась о дверку, и та жалобно скрипнула. От ноги Варде тянулась верёвка — наверняка зачарованная, и, если Агне попытается её развязать, пальцы будет жечь, как от свежих крапивных стеблей. Но можно просто перерезать, и всё. Упырь на привязи у чародея — это унижение, которое нельзя спустить с рук.

— Нет, — ответил Варде, и Агне возмущённо ахнула.

— Как это — нет?! Я предлагаю тебе своё великодушие, а ты думаешь отказываться?

Руки сами собой сжались в кулаки, обида полыхнула в груди, сразу в обоих сердцах.

Варде вздохнул и устроился поудобнее: вытянул связанную ногу, опёрся спиной о стену и заложил руки за голову. Теперь, подкрепившись, он уже совсем

не походил на чудовище: обычный парень, бледный и измождённый, только и всего.

— Я устал, — выдохнул он, глядя на Агне. — Быть и тем, и тем. Болотный дух жил, растил себе оболочку и охотился, но когда занял человеческое тело, стал кем-то совсем другим. И этот другой теперь говорит громче первого. Требует того, о чём раньше и помыслить не мог. Подбрасывает воспоминания, в которых я не нуждаюсь. А они падают камнями в нутро и тянут, тянут...

Варде с кряхтением потянулся, разминая затёкшие руки. Агне промолчала. Она слишком хорошо понимала, о чём он говорит.

Её болотный дух умолк почти сразу, стоило ему занять тело недавно умершей девушки. Она помнила свою жизнь так, словно никакого духа, никакой смерти вовсе не было: жила у отца в корчме, вышла замуж, уехала. Умерла. Снова вернулась к отцу, но уже втайне.

Слишком много тайн.

Она не могла признаться отцу, что умерла и воскресла упырицей. Не говорила, что нелюбимый муж забил её до смерти. Сказала, что надоели ссоры и сбежала, чтобы скрыться под родной крышей. Отец поверил и даже не удивлялся, когда шло время, а муж не приходил за сбежавшей женой. Наверное, думал, что и его утомили размолвки в семье. Пускай. Так всем лучше.

— У тебя сильны оба духа, но это не повод расставаться с одним из них, — тихо сказала Агне. — Я считаю себя человеком, но без шкурки боюсь умереть. Второй раз умирать не хочется. Это... больно.

— Я думаю, вдруг упыриное сердце отомрёт? — Варде хмыкнул сам себе, взъерошил волосы пятернёй. Мелькнула и пропала робкая улыбка. — Стану обычным человеком. Как раньше. Вспомню остальную жизнь, человеческую, и вернусь в родные места. Тебе-то хорошо, ты всё помнишь и живёшь со своими. Спишь на своей кровати. Знаешь, я ведь слышал о тебе, нет-нет да обмолвится кто-то из болотного рода: живёт, мол, в корчме красавица-упырица, которая установила свои законы. Вокруг корчмы никого не трогать, на подходе тоже, а дальше — пожалуйста. Иные смеются над тобой, но, чувствую, уважают. Ты будто выше многих себя поставила. Молодец.

Агне едва заметно улыбнулась. Услышать похвалу, пусть неуклюжую, было приятно.

— Но твой болотный дух сильнее людского. Ты, наверное, даже из помнящих?

По лицу Варде пробежала тень. Он закусил губу и отвернулся к стенке, будто резко захотел спать.

— Что с того, — буркнул он. — Заставить людей покаяться — хорошая мысль. Отец того добьётся, я знаю. Но сам для себя хочу не великого, а мелочного: всего-то вернуться в свой угол, каким бы он ни был.

Агне не стала спорить: слишком уж желания Варде совпадали с её собственными. Стоило бы уйти и дать ему отдохнуть, но хотелось остаться. Когда ещё выпадет возможность вот так поговорить с сородичем, да ещё и не покидая родной корчмы?

Хорошо, что, кроме упыря и козла, никого не было, чужие кони наверняка испугались бы, и в байку про свинью никто бы не поверил.

— Ладно, — сказала она с неохотой. — Отдыхай. Попозже зайду. Если не помрёшь без шкурки.

Варде, кажется, уже спал.

Агне вышла во двор. Стояла тихая ночь, только издалека слышалось кваканье лягушек и вздыхал ветер, пролетая над полями. Шелестели метёлки трав, и откуда-то тянуло речной сыростью. Агне прошла ещё дальше, к дороге и краю некошеного поля. Замерла, обхватив себя за плечи, укрытые мягким вышитым платком — отец выменял его у заезжего купца за бутылку морошковой браги.

Вдалеке несколько раз взвизгнули упыри. Выли от голода или загоняли добычу? С тех пор как большинство болотников научилось перекидываться в чудовища, люди почти перестали путешествовать по темноте. Выросло число постоянных дворов и кабаков, но только вдоль основных дорог. Деревень же по уделу рассыпано столько, что не хватит дельцов для того, чтобы поставить корчму на каждом пути.

Второе сердце Агне забилося часто-часто, затрепыхалось, разгоняя густую чёрную кровь. Обернуться бы длинноногим чудищем с выпирающим хребтом, встать на четвереньки и помчаться быстрее ветра вдоль болот, вдыхая пьянящий родной воздух...

Но нет. Она не чудовище. Она — Агне, дочка корчмаря.

Впереди по полю пробежала рябь, но вовсе не от ветра. Травы зашевелились, и скоро к Агне вышла давняя знакомая, упырица Луче.

— Не боишься полуночниц? — Луче хитро прищурилась и кивнула на месяц.